

Раздел 1. Проблематика и поэтика мировой литературы

УДК 821.139-3

doi 10.17072/2304-909X-2023-17-5-11

ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ ИСТОРИИ ОДНОГО ДЕТСТВА: РОМАН П. МОДИАНО «ДОРА БРЮДЕР»

Александр Дмитриевич Бажанов

аспирант факультета современных иностранных языков и литератур
Пермский государственный национальный исследовательский университет

614068, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15

bazhanov.sascha@yandex.ru

Статья поступила в редакцию: 25.11.2023

В статье исследуется опыт реконструкции одной реальной судьбы, предпринятый в романе современного французского писателя Патрика Модiano «Дора Брюдер» (1997). В ходе анализа устанавливается, что недостаточность документальных сведений о жизни еврейской девочки, погибшей в годы немецкой оккупации, восполняется в романе при помощи воображения, экзистенциального опыта автора, исторического и социального контекстов, детских воспоминаний других людей. Делается вывод о том, что реконструкция детских лет и обстоятельства гибели Доры Брюдер актуализирует в произведении темы личной и национально-исторической памяти.

Ключевые слова: Патрик Модiano, Дора Брюдер, роман, тема детства, реконструкция.

Тема детства, начиная с эпохи Просвещения, является одной из ведущих в мировой литературе, она имеет отношение «к вечным общечеловеческим категориям и общефилософским понятиям, связанным с рождением, жизнью и смертью человека» [Кусаинова 2020: 4]. При помощи образов детей и подростков художественно реализуются не только проблемы семьи, воспитания, но и круг экзистенциальных проблем, сопряженных с вопросами познания, личной и национально-культурной идентичности. Роман «Дора Брюдер» (*Dora Bruder*, 1997) занимает особое место в творчестве Патрика Модiano: это, по сути, документальный рассказ о том, как писатель на протяжении многих лет пытался расследовать историю жизни и гибели еврейской девушки-подростка и её семьи. В последствии писатель признает, что этот роман стал «одним из самых значимых для него» (цит. по: [Douzou 2007: 23]).

Повествование начинается так: «Восемь лет назад, листая старую газету “Пари-Суар” от 31 декабря 1941 года, я наткнулся на третьей странице на рубрику “Вчера и сегодня”. В самом низу я прочел:

“ПАРИЖ

Разыскивается девушка, Дора Брюдер, 15 лет, рост 1 м 55 см, лицо овальное, глаза серо-карие, одета в серое спортивное пальто, бордовый свитер, темно-синюю юбку и такого же цвета шапку, коричневые спортивные ботинки. Любые сведения просьба сообщить супругам Брюдер, Париж, бульвар Орнано, 41”» [Модиано 2014: 5]. Адрес супругов Брюдер – бульвар Орнано – всколыхнул внезапные детские воспоминания автора-повествователя, и таким образом он оказался навсегда связанным с историей Доры Брюдер. Проникнувшись мыслью, что ходил когда-то по одним улицам с пропавшей девочкой, он предполагает: «Быть может, еще сам того ясно не сознавая, я шел по следу Доры Брюдер и ее родителей. Я уже видел их, как водяной знак, проступающий сквозь изображение» [Там же: 8–9].

Итак, с самого начала в романе отчётливо обозначаются две взаимосвязанные и взаимообусловленные сюжетные линии: история Доры и личная история автора-повествователя. В каждом случае осуществляется своеобразное расследование, поиск следов былого.

Восстанавливая очень скудную фактографию еврейской эмигрантской семьи Брюдер, рассказчик признаёт: «Такие люди оставляют за собой мало следов. Они – почти никто. Их и не различить на парижских улицах или на фоне предместья, где, как по чистой случайности я выяснил, они когда-то жили. Зачастую адрес – это все, что можно узнать о них. Так странно: точно известно место, но ничего о том, как они жили; на этом месте белое пятно, глыба безвестности и безмолвия <...> Хочется верить, что там, где люди жили прежде, остается какая-то их частица. Но с Эрнестом и Сесиль Брюдер, с Дорой все было иначе. Всякий раз, когда я оказывался в местах, где они жили, меня не покидало ощущение пустоты: будто чего-то не хватало» [Там же: 27]. Недостаточность реальных сведений о Брюдерах, неприкаянность детских лет жизни Доры (семья жила в отелях и очень часто переезжала) обусловлены проблемами жизни эмигрантов в целом: отсутствием устойчивых социальных связей, низким, в сравнении с коренным населением, социальным статусом и т.д., но в контексте расследования важно, что это ощущение призрачности распространяется не только на Дору и её семью, но и на самого повествователя: «Я был никем, я растворялся в этих сумерках, в этих улочках» [Там же: 6]. Замысел книги заключается в попытке «вытащить Дору Брюдер из небытия» [Douzou 2007: 27] и заполнить пустоту, связанную как с историей семьи Брюдер, так и с

личной историей писателя. Повествователь признаётся: «Взявшись за эту книгу, я подаю сигналы, как маяк кораблям, правда, к сожалению, вряд ли свет моего маяка сможет пробиться сквозь мрак. Но я все-таки надеюсь» [Модиано 2014: 42].

Помимо собственно объявления о розыске, автору по прошествии лет удаётся получить выписку из свидетельства о рождении Доры, адреса детского сада и школы, несколько фотографий; он узнает, что она сбежала из детского пансиона «Святое Сердце Марии» в декабре 1941 года, какое-то время скиталась по Парижу, затем во время одной из облав на евреев попала в концлагерь, где погибла. В связи с этим отметим, что исследователь Н. В. Доценко убедительно комментирует художественные стратегии творчества П. Модиано через призму сформированной на базе современной психологии техники «якоря»: «Писатель вводит визуальные образы, такие как фотографии, документы и образы города в полотно романов, которые выступают образами-якорями. Это объясняет возникновение острой реакции у героев романов, которая, в свою очередь, запускает механизм воспоминаний» [Доценко 2014: эл. ресурс]. В анализируемом романе мы тоже отмечаем эту закономерность: очередное «визуальное» свидетельство, касающееся девочки, провоцирует личные (зачастую болезненные, травматические) воспоминания автора о разных периодах собственной жизни: сложные отношения с отцом, попытку бегства из дома и др.

Короткая жизнь Доры уложилась в десять фотографий. Последовательно, но кратко описанные, они напоминают кадры старой хроники: «Дора стоит между ними [родителями] – ей года два, не больше. Вот фотография Доры: ее сняли, очевидно, по случаю вручения школьных наград. Здесь ей лет двенадцать, она в белом платье и белых носочках. В правой руке держит книгу. На голове у нее маленькая корона или, скорее, веночек из белых цветов <...> Вот еще снимок, сделанный там же и в ту же пору, может быть, даже в тот же день <...> Дора в платье с воротничком, левая рука ее согнута и приподнята, очевидно, она собралась положить ее на плечо матери. Еще фотография Доры с матерью – Доре тоже лет двенадцать, волосы короче, чем на предыдущем снимке <...> Вот овальная фотокарточка, здесь Дора постарше – лет тринадцать-четырнадцать, и волосы длиннее» [Модиано 2014: 31]. Однако фотографии, как и другие сведения, не дают реального, объёмного представления о Доре: о том, какой она была, что чувствовала. Итальянский литературовед М. Пьяцца, комментируя роль фотографий в реконструкции образа Доры Брюдер, выявляет такую стратегию П. Модиано: «не допустить, чтобы фотография перекрыла и поглотила письмо». Исследователь полагает, что эта методика помогает усилить эффект пустоты,

оставшейся «после гибели жертв холокоста» [Piazza 2016: 74]. Каждый новый документ порождает новые вопросы, на первый взгляд, очень частные, неважные в глобальном контексте расследования истории девочки, но без ответа на которые невозможно найти, «вырвать из небытия», именно её:

«Хотелось бы еще знать, каким образом Сесиль и Эрнест Брюдер узнали о существовании пансиона “Святое Сердце Марии”. Кто посоветовал им отдать туда Дору?»

«Я не знаю, какую форму носили ученицы. Не те ли самые одежды, что были указаны в объявлении о розыске Доры в декабре 1941-го: бордовый свитер, темно-синяя юбка, коричневые спортивные ботинки? А сверху, может, халат?»

«Я не знаю, завела ли Дора Брюдер подруг в “Святом Сердце Марии”. Или она держалась особняком?»

«Знать бы, какая была погода 14 декабря, в день бегства Доры.»

«Где же она пряталась? И как кормилась в тогдашнем Париже?»

«Что же все-таки делала Дора Брюдер 14 декабря 1941-го?» [Там же: 37, 41, 63, 94] и т.д.

Неизбежные «лакуны» в документальных свидетельствах заполняются вымыслом: автор заявляет, что на подобные вопросы ему помогают ответить «большей частью “ясновидение” и “сила воображения”, присущие писателям» [Там же: 53]. В почти импрессионистической манере он пытается *вообразить*, а затем *зафиксировать* какой-либо эпизод детства Доры, почти всегда в таких случаях план героини срастается с планом самого автора: «Малышкой она, должно быть, играла в сквере Клиньянкур. Иногда квартал напоминал деревенскую улицу. Вечерами соседи выносили стулья на тротуар, сидели и болтали. Вместе шли выпить лимонаду на террасе кафе. Иногда мимо проходили то ли пастухи, то ли торговцы с ярмарки, с козочками, предлагали молоко, большой стакан за десять су. Выпьешь – вокруг рта белые усы от пены» [Там же: 33]. В результате соединения фактических и воображаемых сведений рождается и такое предположение: «Я думаю, Дора в четырнадцать лет уже была чересчур самостоятельной и ее строптивый нрав, о котором говорила мне родственница, наверняка давал себя знать. Родители решили, что ей необходима дисциплина» [Там же].

В итоге повествователь реконструирует образ жизни девочки, её характер на основе воображения, личного экзистенциального опыта, исторического и социального контекстов, детских воспоминаний других людей, примерных ровесников Доры и, наконец, литературной традиции. Литературный «ресурс» представлен главным образом аллюзиями к эпосе В. Гюго «Отверженные» (*Les Misérables*, 1862). Образ

скитающейся по декабрьскому Парижу Доры совмещается в воображении автора-повествователя с образами Козетты и Жана Вальжана, скрывающихся в канун Рождества от Жавера и полицейских: «Вот уже близко Сена. Козетта устала. Жан Вальжан несёт её на руках <...> они провалились в пустоту» [Модиано 2014: 51]. Кроме того, эта интертекстуальная отсылка соотносит положение еврейского населения Парижа периода немецкой оккупации с жизнью «низов, жертв общественной несправедливости» [Толмачёв: электронный ресурс], получившей отражение в романе Гюго.

Во второй части романа Модиано скромные свидетельства о жизни и гибели Доры Брюдер дополняются сведениями о других парижанах, жертвах холокоста, в результате чего формируется своеобразный «мемориал»: по убеждению автора, каждое из упомянутых имен, представляет собой жизнь, которая должна быть увековечена. Трагедия Доры является воплощением трагедии еврейских детей, да и детей во время войны вообще: «Их заставили носить желтые звезды, всех этих детей с польскими, русскими, румынскими именами, но до такой степени парижских, что порой они сливались с фасадами домов, с тротуарами, с бесконечным разнообразием оттенков серого цвета, какое только в Париже и встретишь» [Модиано 2014: 51].

Т. М. Норец, исследуя «искусство памяти» П. Модиано, отмечает, что писатель часто касается острых социальных проблем, в частности конфликта человеческой личности и цивилизации, идея которого воплощается в романе «Дора Брюдер» при помощи образа войны – технократичной и очень жестокой. «Несмотря на внешнюю призрачность и неопределенность как сюжетной линии, так и героев его произведений, П. Модиано нашел свой способ изображения действительности. Художественный мир его героев во многом отражает путь поиска самого автора», – подчеркивает исследователь [Норец 2015: эл. ресурс].

В финале романа автор признаёт, что ему не удалось ответить на большую часть вопросов, касающихся как детских лет Доры Брюдер, так и последних месяцев её жизни: часто бессильным оказывается даже воображение. Вместе с тем попытка реконструировать историю девочки, погибшей более пятидесяти лет назад, способствовала глубоким и пронзительным размышлениям писателя о собственной жизни, о жизни Франции периода оккупации, позволила отдать дань памяти жертвам холокоста.

Список литературы

Доценко Н. В. Художественная реализация техники «Якоря» в романах Патрика Модиано // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук.

2014. №7-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvennaya-realizatsiya-tehniki-yakorya-v-romanaх-patrika-modiano> (дата обращения: 06.11.2023).

Кусаинова А. М. Тема детства в современной литературе и творчестве Герольда Бельгера. Костанай: Костанайский филиал ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет», 2020. 86 с.

Модиано П. Дора Брюдер / пер. с фр. Н. Хотинской. М.: Текст, 2014. 156 с.

Норец Т. М. «Искусство памяти» в творчестве П. Модiano // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. 2015. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvo-pamyati-v-tvorchestve-p-modiano> (дата обращения: 06.11.2023).

Толмачёв М. В. О романе В. Гюго «Отверженные». URL: <http://19v-euro-lit.niv.ru/19v-euro-lit/articles-fra/tolmachev-gyugo-otverzhennye.htm> (дата обращения: 10.11.2023).

Douzou C. « Naissance d'un fantôme: Dora Bruder de Patrick Modiano»// Protée, volume 35, numéro 3, hiver 2007, p. 23–32. URL: <https://doi.org/10.7202/017476ar> (дата обращения: 06.11.2023).

Piazza M. Il caso «Dora Bruder» di Patrick Modiano // Documenti e immaginistoria e finzione, Roma, Roma Tr-E Press, 2016. P. 67–80.

EXPERIENCE OF RECONSTRUCTION OF THE HISTORY OF ONE CHILDHOOD: P. MODIANO'S NOVEL «DORA BRUDER»

Alexandre D. Bazhanov

Postgraduate Student of the Department of World Literature and Culture

Faculty of Modern Foreign Languages and Literatures

Perm State University

614068, Russia, Perm, Bukirev str., 15

bazhanov.sascha@yandex.ru

Submitted 25.11.2023

The article examines the experience of reconstructing a real fate, undertaken in the novel “Dora Bruder” (1997) by the modern French writer Patrick Modiano. The analysis establishes that the lack of documentary information about the life of a Jewish girl who died during the German occupation is filled in the novel with the help of imagination, references to the author’s existential experience, historical and social contexts, and the childhood memories of other people of those times. It is concluded that the reconstruction of Dora Bruder’s childhood and the circumstances of the death of hers actualizes the themes of personal and national history memory in the works of the writer.

Key words: Patrick Modiano, Dora Bruder, novel, theme of childhood, reconstruction.

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Бажанов А. Д. Опыт реконструкции истории одного детства: роман П. Модiano «Дора Брюдер» // *Мировая литература в контексте культуры*. 2023. № 17 (23). С. 5–11. doi 10.17072/2304-909X-2023-17-5-11

Please cite this article in English as:

Bazhanov A. D. Opyt rekonstrukcii istorii odnogo detstva: roman P. Modiano «Dora Bryuder» [Experience of Reconstruction of the History of One Childhood: P. Modiano's Novel «Dora Bruder»]. *Mirovaya literatura v kontekste kultury* [World Literature in the Context of Culture]. 2023, issue 17 (23), pp. 5–11. doi 10.17072/2304-909X-2023-17-5-11